

СУРЕН КОЧАРЯН в «Крейцеровой сонате»

Д. Заславский

С. А. Кочарян читает «Крейцерову сонату».

«Крейцерову сонату» можно бы инсценировать для театра, она даёт благодатный материал актёрам и режиссёрам, она развёртывается в четырёхактную драму; её можно было бы представить на экране, и это был бы сильнейший художественный фильм... Сурен Кочарян только читает её, но нет нужды в гриме, в декорациях, в ансамбле. Эстрада преобразуется в сцену. Слушателю кажется, что перед ним несколько лиц. Он видит Позднышева, и его жену, и скрипача Трухачевского, и детей несчастных родителей, видит всю обстановку барской квартиры. Казалось бы, трудно слушать чтение большой повести в течение почти двух часов, зрители в театре устали бы и стосковались по антракту. Но слушатели Сурена Кочаряна сидят, как зачарованные, никто не шевельнется, все захвачены драмой чужих для нашего времени, странных на наш взгляд людей.

Мы знали Сурена Кочаряна всего больше как рассказчика, и лишь угадывался в нём большой актёр. Он мудрый, слегка лукавый сказитель в «Шахразаде». Он столь же мудрый, несколько игривый рассказчик в «Декамероне». В «Крейцеровой сонате» Кочарян — не только рассказчик. Перед нами не Сурен Кочарян, повествующий о трагическом исходе неудачного брака, а сам Позднышев, проникший в глубь своего преступления, виновный не только в том, что убил жену из ревности, но и в том, что убил высокое чувство любви, ограбил это чувство, лишил его красоты, поэтичности и морали.

Сурена Кочаряна слушает наша молодёжь. Она знает эту повесть Толстого, читала её. Но в передаче Кочаряна повесть звучит как новая, ещё никогда не читанная. Со всей силой выступает огромная нравственная сила этого произведения. Недаром «Крейцера соната» при появлении своём на свет казалась опасной светским и церковным властям царской России. Ещё до появления в печати она расходилась в списках как нелепое произведение. Родители прятали её от детей, боясь, как бы они не совратились с пути буржуазной морали.

Как и в других произведениях Л. Н. Толстого, чрезвычайно сильна в «Крейцеровой сонате» критическая её сторона. Вопрос о смысле любви и брака в капиталистическом обществе поставлен в ней с исключительной силой и глубиной. Л. Н. Толстой отрицает возможность счастливого и морального брака при буржуазных отношениях. Но

эти отношения Толстой возводит в неизменный закон жизни. Если любовь и брак невозможны в буржуазном обществе, то, по Толстому, они невозможны вообще. Спасение в безбрачии. «Но ведь прекратится род людской?» — спрашивали Толстого. «А зачем ему, такому, существовать?» — отвечал Толстой.

Сурен Кочарян очень осторожно, чтобы не повредить гениальное художественное письмо, опустил в «Крейцеровой сонате» морально-религиозную проповедь Толстого, сохранив сюжет — драму брака, в котором отсутствует высокое моральное начало. Осталось горячее стремление к подлинной, чистой любви — такой, в которой дружба является непременным элементом, в которой есть непременно чистота высокой идейности и принципиальности. В этом смысле вопросы, которые мучили Позднышева (и самого Л. Н. Толстого), сохраняют свою важность и жизненность и для советской молодёжи. Мы создаём новую мораль, в которой на основе социалистических отношений возрождается всё лучшее, что воспитывалось в человечестве на протяжении столетий. Любовь Ромео и Джульетты так же близка нашему времени, как и драма несчастных Позднышевых, которые были и молоды и красивы, но не умели сохранить чистоту любви, не могли ничем освятить эту любовь — ни детьми, ни идейными стремлениями. Были они чужими людьми и остались чужими. А когда прошла чувственность, принятая за любовь, они стали врагами.

...Смолкает в зале голос Позднышева, он сидит скорбившись в кресле, глаза его потухли, в руках, брошенных на колени, безнадежность. Он убийца, преступник, осознавший не только свою личную вину, но и огромную вину своего общества перед прекрасным чувством любви, перед юностью, перед человечностью. Он знает, что это общество, осквернившее любовь и брак, осуждено, но он не знает, где выход из социальной трагедии. В этом его обречённость.

И молча сидит в зале советская молодёжь, глубоко взволнованная не только драмой, разыгравшейся в одной русской семье полвека тому назад, но и вопросами своего собственного быта. И в горячих аплодисментах, которыми зал награждает талантливого художника, есть благодарность не только рассказчику и актёру, но и учителю новой, высокой морали.